Помня о революции, которая грозила сокрушить «*все* правительства», Карамзин понимает, что «по-дедовски жить нельзя». Основным шагом по пути к прогрессу он считает распространение просвещения. Учить нужно все сословия. Крепостным крестьянам следует дать элементарные общие знания, а главное — ознакомить с основами «нравственного катехизиса», который показал бы им их обязанности по отношению к господам. Неоднократно толкуя об исторических заслугах русского дворянства, Карамзин с горечью говорит о его невнимании к национальной культуре, эгоизме, невежестве. Он предлагает дворянам строить сельские школы, брать на себя оплату неимущих учащихся в городах, с радостью приветствует первого профессора-дворянина Г. Н. Глинку.

Желание сообщить знания, расширить кругозор читателя обусловливают отличие «Писем русского путешественника» от «Сентиментального путешествия» Стерна. Мысль о необходимости развития отечественной культуры направляет деятельность Карамзина — писателя, издателя, историка и позволяет Пушкину посвятить «Бориса Годунова» «драгоценной для россиян памяти Николая Михайловича Карамзина», а Белинскому сказать о благотворном влиянии Карамзина на русскую литературу.

Вместе с тем признание просвещения «Палладиумом благонравия», «антидотом для всех бедствий человечества» позволило Карамзину закрыть глаза на действительные причины человеческого страдания — социальные противоречия. Ему кажется, что достаточно просветить русских крестьян и их «смрадные и неопрятные» избы превратятся в уютные хижины, достаточно дворянам поглотить соответствующую дозу морали и исчезнут «злоупотребления господской власти», просвещенные чиновники превратятся в блюстителей правосудия, ибо «не столько злое намерение, сколько грубое невежество бывает причиною неправосудия» (8, 353).

* *
*

Политические взляды Карамзина определяют характер его философских, этических и эстетических взглядов.

Ученик розенкрейцеров, уйдя от масонской мистики, от всякого рода «египетских учений», навсегда остался верен идеализму. А. М. Кутузов именовал всех материалистов подлецами.[7] Карамзин называет Ламетри безумным, пренебрежительно отзывается о философии Гельвеция, осуждает Спинозу, Гоббса, Гольбаха. Философия, по мнению писателя, должна укреплять веру в бога и отказаться от разрешения всех вопросов: «Творец не хотел для человека снять завесы с дел своих, и догадки наши никогда не будут иметь силы уверения» (8, 209). И потому Карамзин порицает материалистическую философию XVIII в. за ее веру в силу все-

[7] «Утренний свет», 1778, ч. III, стр. 202—205.